

ИНСТИТУТ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ИНИЦИАТИВ

В. Н. Барышников

ФИНСКАЯ ВОЙНА

 КУЧКОВО ПОЛЕ
издательство

Москва
2023

УДК 94(100-87)
ББК 63.3(0)6
Б26

Рецензенты:

С. Г. Веригин, доктор исторических наук,
профессор Петрозаводского государственного университета
Р. А. Соколов, доктор исторических наук,
профессор РГПУ им. А. И. Герцена

Барышников, Владимир Николаевич

Б26 Финская война. — М.: Издательство «Кучково поле», 2023. — 448 с.:
32 л. ил. — (Реальная политика).

ISBN 978-5-907171-89-3

В монографии на основе российских и зарубежных источников рассматриваются ключевые события, касающиеся причин начала и хода Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Наряду с рассмотрением боевых действий в работе особое место занимает исследование проблем политического противостояния по «финляндскому вопросу» СССР и стран Запада перед войной, а также значение военной, экономической и политической поддержки, которую Финляндия получала в 1939–1940 гг. со стороны Великобритании, Франции, Швеции, США и Германии.

Книга рассчитана как на историков, так и на широкий круг читателей, интересующихся историей Второй мировой войны и советско-финляндскими отношениями.

УДК 94(100-87)
ББК 63.3(0)6

SBN 978-5-907171-89-3

- © Барышников В. Н., текст, иллюстрации, 2023
- © АНО «Институт нешнеполитических исследований и инициатив», название серии, 2023
- © ООО «Издательство «Кучково поле», издание, оригинал-макет, художественное оформление, 2023

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

С новой монографией «Финская война» профессора Владимира Николаевича Барышникова мы продолжаем исследовать сложные политические процессы кануна Великой Отечественной войны: ранее этому были посвящены коллективные труды «Мюнхен 1938. Падение в бездну Второй мировой» в 2018 г.¹ и «Антигитлеровская коалиция — 1939: Формула провала» в 2019 г.². Заведующий кафедрой истории Нового и новейшего времени Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук В. Н. Барышников — признанный в России и за рубежом специалист по истории советско-финляндских отношений.

Параллельно новая книга развивает тему отношений с нашим северным соседом Финляндией. Финляндская республика впервые в своей истории была признана в качестве независимой решением молодой Советской России в декабре 1917 г., а в годы «холодной войны» построила конструктивные добрососедские отношения с СССР. Россию и Финляндию связывала фигура маршала Маннергейма, и в монографии «Маннергейм и Советский Союз» (2021)³ профессор Барышников дал исчерпывающий ответ на вопросы о его роли в истории двух государств. Этот ответ воздвиг непреодолимые препятствия на пути прославления в современной России царского генерала, ставшего союзником Третьего рейха и замкнувшего кольцо блокады Ленинграда. Ни одно государство в мире не воевало столько с нашей страной в XX в., сколько Финляндия при Маннергейме, — трижды, подчёркивал автор.

¹ Мюнхен-1938: Падение в бездну Второй мировой: сб. ст. / под общ. ред. В. Ю. Крашенинниковой; отв. редактор О. Г. Назаров. М.: Издательство «Кучково поле», 2018. — (Реальная политика).

² Антигитлеровская коалиция — 1939: Формула провала: сб. ст. / под общ. ред. В. Ю. Крашенинниковой; отв. редактор О. Г. Назаров. М.: Издательство «Кучково поле», 2019. — (Реальная политика).

³ *Барышников В. Н.* Маннергейм и Советский Союз. М.: Издательство «Кучково поле», 2021. — (Реальная политика).

Название «Финская война» сложилось изначально в Советском Союзе, а в Финляндии эта война, длившаяся три с половиной месяца с 30 ноября 1939 по 12 марта 1940 г., была именована «зимняя» — такое название и внедрилось в мировую историографию, отмечает профессор Барышников. При этом официальное название звучит так: Советско-финляндская война 1939–1940 гг. (именно «финляндская»), согласно Большой советской и Большой российской энциклопедиям.

Кто и зачем готовил эту войну? Отмечая интенсификацию контактов Финляндии с Третьим рейхом в 1937–1938 гг., автор пишет, что «политика Германии в Балтийском регионе явно провоцировала СССР на ответные действия. Рейх осуществлял свою политику исключительно вызывающе. Не замечать демонстрируемые им военные интересы было просто невозможно». Финляндия тем временем «продавала» западному миру образ себя как «стражника Европы», «рыцаря на передовых рубежах защиты Запада и Европы против Азии и Востока». Автор цитирует известного финского государственного и политического деятеля того времени К. О. Фрича, по его мнению, психология финнов отражала их принадлежность к «западному миру», и эта принадлежность выражалась отрицательным отношением к СССР. Напомним, в то время граница Финляндии проходила всего в 32 километрах от центра Ленинграда. Репино, часть Курортного района сегодняшнего Санкт-Петербурга, было уже за границей.

Почему потребовалась новая книга о далекой войне, в истории которой, казалось бы, не осталось особых тайн? Это лишь поверхностное впечатление. Трехмесячный конфликт по-прежнему остается «в тени» последующей Великой Отечественной войны и участия в ней Финляндии на стороне Третьего рейха — в финской историографии это «война-продолжение», с целью показать взаимосвязь с «зимней войной». В советское время о «финской войне» говорили мало — и, вероятно, обоснованно: зачем было портить позитивные отношения с Финляндией. Хотя зарубежные историки продолжали выпускать свои работы на эту тему. Только со второй половины 1980-х гг. в СССР появились первые научные труды, посвященные этому сложному периоду советско-финляндских отношений¹. Основным трудом о политической истории конфликта 1939–1940 гг. по-прежнему является двухтомник

¹ См.: Барышников Н. И., Барышников В. Н. Финляндия во второй мировой войне. Л., 1985; Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во второй мировой войне. Л., 1989; Семиряга М. И. Советско-финляндская война (к 50-летию окончания). М., 1990.

отечественных и финских авторов, выпущенный Институтом всеобщей истории РАН в 1998 г.¹

Главное внимание исследователей обычно уделяется военным аспектам, однако советско-финский переговорный процесс, проходивший в начале скрытно, и события кануна войны требуют дополнительного внимания. Что же касается военных проблем, пишет В. Н. Барышников, до сих пор не до конца понятно, почему, взяв курс на силовое разрешение советско-финляндского конфликта, СССР, обладая несравненно большими военными возможностями, чем Финляндия, вначале не смог выполнить поставленные военные задачи. Почему «финская война» стала для СССР достаточно кровопролитной и затянулась на три с половиной месяца? Наконец, какими мотивами руководствовалось финское руководство, подписывая достаточно жесткий с точки зрения Финляндии мирный договор? Многие ключевые архивные материалы в России и в Финляндии долгое время не были полностью рассекречены, поэтому, формулируя вопросы, автор намечает «дорожную карту» дальнейших исследований.

Три войны против СССР за четверть века подвели часть руководства Финляндии к осознанию, что только взаимопонимание с СССР и доверие двух народов может стать прочной гарантией мирного развития для Финляндии. В сентябре 1944 г. Финляндия вышла из войны против СССР, в апреле 1948 г. подписала Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с Советским Союзом, обязуясь соблюдать нейтралитет и признать особые стратегические интересы СССР: так сформировалась «линия Паасикиви — Кекконена», по именам двух послевоенных президентов Финляндии. Тогда финское правительство старалось запрещать созданные на Западе антисоветские фильмы, из библиотек изымались антисоветские книги. Оппоненты такой политической линии даже ввели термин «финляндизация» для описания дружественных отношений капиталистической страны с СССР. Причём У. К. Кекконен в конце 1970-х гг., отвечая на это, четко говорил: «Мы, финны, не нуждаемся ни в оценках, ни в сочувственном “понимании”... Неужели действительно так трудно понять, что Финляндия самостоятельно приняла свое главное решение о политике безопасности? Неужели трудно поверить, что самостоятельная политика финского народа, именно им самим и без принуждения избранная линия соответствует интересам Финляндии»².

¹ Зимняя война 1939–1940: в 2 кн. / отв. ред.: О. А. Ржешевский, О. Вехвилайнен. М., 1998.

² Цит. по: *Комиссаров Ю.* «Линия Паасикиви-Кекконена»: История, современность, перспективы. М., 1985.

Однако в последние десятилетия такое представление и понимание «восточной политики» в Хельсинки постепенно стиралось. Участвуя в интервенциях НАТО, войдя в силы быстрого реагирования, затем в экспедиционные силы НАТО, Финляндия постепенно теряла свой прежний нейтральный статус, хотя экономические и общественные связи с Россией оставались активными. После старта специальной военной операции России на Украине 24 февраля 2022 г. большая часть российско-финских связей была прервана. В мае 2022 г. Финляндия вместе с Швецией подала заявку на вступление в НАТО, и 4 апреля 2023 г. страна стала 31-м членом Североатлантического альянса. В результате протяжённость границы РФ со странами — членами НАТО удвоилась, Балтийское море стало практически морем НАТО (с небольшими российскими участками побережья вокруг Санкт-Петербурга и Калининграда), Арктический совет усилился ещё одним членом альянса. В дополнение, весной 2023 г. Финляндия и США начали готовить двусторонний договор о военном сотрудничестве, который может позволит ВС США беспрепятственно использовать финскую территорию и военные базы для подготовки военнослужащих и хранения военных материалов и оборудования.

Для России это означает дополнительное военное давление вдоль северной границы и расширение спектра угроз в важнейшем для будущего Арктическом регионе. Но станет ли безопасностью Финляндии надёжнее от этого? Опубликованная нами ранее книга подполковника Турмуда Хейера из Академии вооружённых сил Норвегии¹, страны-члена НАТО, даёт однозначный отрицательный ответ. Наоборот, вступление Финляндии в НАТО будет способствовать милитаризации страны, за которую придётся платить финскому народу, вдобавок к повышению цен на энергоносители и инфляцию.

Кажется, что уроки истории сегодня никого не усвоил. В действительности, история учит только тех, кто хочет научиться. Есть ли таковые сегодня? Текущий 2023 год принесёт ответы на эти вопросы, чреватые самыми тяжёлыми последствиями для всех участников.

*Вероника Крашенинникова,
генеральный директор
Института внешнеполитических исследований и инициатив,
член Российского исторического общества*

¹ *Хейер Т.* Норвегия между США и Россией / Пер. с норв. А. С. Евсеевой, предисловие В. Ю. Крашенинниковой. — М.: Издательство «Кучково поле», 2020. — (Реальная политика).

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Финская война» — народное название войны СССР против Финляндии 1939—1940 гг., которое получило в то время распространение среди населения Советского Союза. Это название наиболее полно отражало отношение к советско-финляндской войне в СССР. Действительно, для граждан Советского Союза Финляндия в то время имела образ крайне враждебного советскому народу государства.

Что же касается Финляндии, то там утвердилось иное наименование — «зимняя война». Причем это название в Финляндии быстро стало официальным и распространилось на весь остальной мир, поскольку незамедлительно было внедрено в мировую историографию, что само по себе оказалось весьма показательным. И дело было даже не только в том, что война в основном велась в зимний период. Очевидным являлся и тот факт, что большая часть мировой общественности явно поддерживала финскую сторону в этом конфликте. Финляндия, несомненно, воспринималась как государство, целиком входящее в Западный мир, страна, защищающая не только свою собственную независимость, но и все западные ценности.

Действительно, известный финский поэт Ууно Кайлас в первые годы после провозглашения независимости Финляндии постарался особо отразить значение своего государства для Западного мира. В своих стихах он аллегорически представил свою страну в собирательном образе некоего средневекового рыцаря, который, испытывая «горькое и дерзкое удовольствие», находился на передовых рубежах защиты Запада и Европы от Азии и Востока. Поэт от лица населения восклицает: «Ее [Европу. — *В. Б.*] я, стражник [финский народ. — *В. Б.*], защищаю!» Это утверждение было

также замечено финскими государственными и политическими деятелями¹.

В целом с данным поэтическим «образом финского народа» можно, вероятно, отчасти согласиться. Вся история Финляндии первой половины XX в. в представлении значительной части населения была объективно окрашена проявлением ярко выраженных антироссийских настроений. Здесь явно обнаруживалось стремление безоговорочно выполнять «благородную роль» некоего «защитника», находящегося в авангарде Запада, у восточных границ всей европейской цивилизации. Как по этому поводу отмечал известный финский государственный и политический деятель того времени К. О. Фрич, психология финнов отражала их принадлежность к Западному миру, что проявилось в отрицательном отношении к СССР. «Позиция Финляндии по отношению к восточному соседу» базировалась на понимании того, что страна жила «бок о бок с большевистской диктатурой и со всеми теми непонятными для западных стран, чуждыми, да и совершенно незнакомыми силами и стремлениями, которые существовали в этом государстве»².

Причем все самое позитивное, что могло остаться за более чем столетний период пребывания Великого княжества Финляндского в составе Российской империи, за всего лишь 10–20 лет его независимого государственного развития испарилось. Как заметил, обращаясь к своим личным представлениям, будущий президент Финляндии Ю. К. Паасикиви, «у меня нет никаких предрассудков в отношении Советского Союза и против русских, в России я жил в молодости и знаю российскую классическую литературу и культуру»³. Но далее он прямо подчеркнул: «...100-летнее общение не оставило нам иного впечатления, как многое укоренившееся из области кулинарии: блины, икра, борщи-супы и некоторая другая редкая пища. Напротив, мы удалялись от России десятилетиями и десятилетиями. Ибо в ней был уже совсем другой мир, который для нас неприемлем»⁴.

¹ См.: *Кекконен У. К.* Финляндия и Советский Союз. Речи, статьи, интервью 1952–1975. М., 1975. С. 77; *Вихавайнен Т.* Столетия соседства. Размышление о финско-русской границе. СПб., 2017. С. 12.

² *Frietsch C. O.* Suomen kohtalonvuodet. Hels., 1945. S. 23–24.

³ *Paasikivi J. K.* Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939–42. Os. II. Hels., 1958. S. 191.

⁴ *Ibidem.*

Но Финляндия не просто «удалялась от России». Она еще и активно с ней боролась. В первой половине XX в. Финляндия больше, чем любое другое государство мира, смогла с невероятным ожесточением неоднократно повоевать с Советской Россией. По итогам этих войн она трижды — в 1920, в 1940 и в 1947 гг. подписывала мирные договоры. Таким образом, объективно во всех своих войнах финны оказывались на самых передних рубежах западной цивилизации, представляя себя в качестве неких особых защитников «западных ценностей», а свою страну — в виде своеобразного «северного плацдарма» конфронтации с СССР.

Подводя итог этого исторического периода, можно сказать, что во всех финских войнах Финляндия не добилась того результата, на который, вероятно, рассчитывала. «Мужественно защищая» свою независимость и одновременно отстаивая «западные ценности», финны неизменно оказывались в конце концов один на один с Советской Россией и никакой весомой помощи и поддержки от Запада реально не получали.

Не получили они действенной поддержки, когда участвовали против Советской России в так называемых племенных походах 1918–1920 гг. «Великая Финляндия», которая должна была сложиться после присоединения части российской территории и о которой финны тогда мечтали, так и не получилась.

Еще более драматично стали разворачиваться сюжеты, связанные с Советско-финляндской войной 1939–1940 гг. Тогда Запад как морально, так и финансово поддержал Финляндию. С Запада в страну активно устремился поток вооружения. Туда же направлялись для участия в войне против СССР и «добровольцы». Единственное, что не было сделано, — это отправка в Финляндию «сочувствующими» помощь регулярных войск. Эти войска, несмотря на систематические обещания, исходящие от Парижа и Лондона, так и не прибыли...

Но кульминации противостояние Финляндии с СССР, конечно, достигло в 1941 г. В это время финское руководство, рассчитывая на всю мощь и силу нацистской Германии в образе «крестоносца», впервые в своей истории начало самую кровопролитную коалиционную войну на стороне Запада против СССР. Причем здесь речь шла уже не просто о захвате значительной части территории Советского Союза, а о полном разгроме соседнего государства.

Войну совместно с нацистской Германией против СССР в Финляндии посчитали продолжением «зимней войны». Но и она закон-

чилась очередным поражением и подписанием нового мирного договора. Этот договор окончательно подвел черту под тремя войнами. Таким образом закончилась целая эпоха жесткого противостояния двух государств. Образ Финляндии, олицетворяющий «защитника передовых рубежей» Запада, тоже сильно поблек. С этого момента в финском руководстве начали приходить к осознанию, что результатом всей предшествующей эпохи стало то, что теперь «мы находимся, — как заявил Ю. К. Паасикиви, — на дне оврага, куда забросили нас события»¹.

Тем не менее вряд ли исключительно ход событий «забросил» Финляндию «на дно оврага». Это был во многом собственный выбор финского правительства, и теперь, в конце Второй мировой войны, финской элите нужно было сделать соответствующие выводы в своих отношениях с СССР. Иными словами, для Финляндии тогда наступил такой исторический этап, на котором следовало определить, насколько оправданным являлось ее участие в непрерывных войнах против Советского Союза. И вывод оказался вполне адекватным. В Хельсинки начали осознавать, что только взаимопонимание с СССР и доверие двух народов может стать для Финляндии гарантией прочного мирного развития. Таким образом, исторический выбор в отношениях Восток — Запад, сделанный по итогам трех войн, был сделан на основе серьезного переосмысления финским руководством ценностного значения всего предыдущего исторического периода. Прежний их опыт оказался хорошим наглядным примером малой эффективности проводимой до этого политики.

Но тем не менее роль Финляндии в качестве «стражника», который должен был защитить Запад от Советского Союза в 1920—1940-е гг., конечно, наиболее ярко и убедительно начала проявляться именно в «финскую войну». Сегодня, несомненно, важно дать предельно объективную оценку тому, насколько неизбежным было военное столкновение в 1939 г. Финляндии с Красной армией и как вообще эта война могла коррелироваться с отношениями Запад — Восток и уже начавшейся Второй мировой войной.

При этом когда историки пишут о начале Второй мировой войны, то нередко используют в названии своих работ такое поня-

¹ Линия Паасикиви. Статьи и речи Юхо Кусты Паасикиви 1944—1956. М., 1958.

тие, как «тайна»¹. И это не случайно. Канун мировой трагедии действительно окутан определенной пеленой интриг, хитросплетений и скрытых от постороннего взгляда тайн, которыми обильно была покрыта целая серия секретных переговоров, ведущихся тогда государствами. Это касалось не только «главных» западных государств и Советского Союза, но и относилось к «малым странам», которые в стремительно развивающемся потоке событий тоже судорожно пытались определить свою позицию. Советско-финляндские отношения в данном случае могут служить соответствующим примером того, как развивались подобные контакты, переросшие затем в войну.

В целом 1939 г. являлся в переговорном процессе двух этих стран, несомненно, тем самым рубежом, за которым стала уже проглядывать возможная война. Серия секретных многомесячных, вялотекущих переговоров, продолжавшихся более полутора лет, заканчивалась. Более того, в конце 1939 г. переговоры приобрели вполне официальный характер встреч на самом высоком уровне. Советское руководство тогда четко взяло курс на безотлагательное решение проблемы военной безопасности, касающейся жизненно важных центров на северо-западе СССР. Финалом этого переговорного процесса в конечном итоге было решение развернуть боевые действия против Финляндии.

Однако это решение принималось уже в условиях Второй мировой войны. В результате начавшаяся тогда «финская война» оказалась уникальным явлением. Она проходила во временных рамках общей мировой трагедии, но ни СССР, ни Финляндия при этом в общеевропейской войне официально еще не участвовали. Тем не менее определенные тенденции по втягиванию этих государств в большую войну наблюдались.

Уникальность событий, связанных с «финской войной», не могла остаться без внимания историков. О ней уже написано немало. И кажется, что здесь не осталось особых тайн. Однако при внимательном изучении этой войны становится понятным, что в историографическом плане все выглядит далеко не так просто...

¹ См.: *Семиряга М. И.* Тайны сталинской дипломатии 1939–1941. М., 1992; *Сиполс В.* Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной войны. 1939–1941. М., 1997; *Соколов Б. В.* Тайны финской войны. М., 2000; *Раткин С.* Тайны Второй мировой войны. Минск, 1995; и др.

Характерной особенностью складывавшейся в нашей стране историографической традиции являлось то, что на протяжении более чем трех десятков лет, с 1950 по 1980 г., об этой войне говорили очень немного. По подсчетам российского историка П. В. Петрова, с 1946 по 1990 г. было опубликовано всего три работы, которые он отнес к исследованиям и очеркам, касающимся истории «зимней войны»¹. Действительно, в Советском Союзе «финская война» была просто «забыта». Но уже к этому «застойному» времени были достигнуты определенные научно-исследовательские результаты и сложились определенные историографические подходы к изучению истории этой войны.

Дело в том, что сразу после окончания «финской войны» в СССР срочно постарались из видимых ее итогов сделать соответствующие выводы. Было очевидно, что победа Советскому Союзу досталась нелегко. Поэтому потребовалось, во-первых, объяснить достаточно скромный для мощи вооруженных сил СССР результат и, во-вторых, постараться сделать соответствующие выводы, извлечь уроки из допущенных в ходе войны просчетов и неудач.

В таком направлении сразу же после окончания боевых действий стали работать советские военные исследователи, а также публицисты. Объективно уже тогда наметилось два подхода в освещении войны. Один из них предполагал, что адресатом появлявшихся публикаций будет выступать самый широкий круг советской общественности. Здесь явно видно стремление представить эту войну как «проявление исключительного подвига», который совершила Красная армия. Что, кстати, не вызывает до сих пор большого сомнения. Второй же подход выражался в изложении событий «финской войны» в критическом ключе. Данные исследования предназначались для весьма ограниченного круга лиц и представляли собой взвешенный, во многом уже исторический анализ произошедших событий. Здесь явно просматривалось стремление понять причину, почему первоначальный план ведения войны с Финляндией не удался и какие следует извлечь военные уроки на будущее.

Что касается первого подхода или направления в освещении этой войны, то для него было характерно появление большого

¹ *Петров П. В.* Зимняя война 1939–1940 гг. Библиография 1939–2011. Jyväskylä, 2013. С. 155.

количества литературы, выходявшей массовыми тиражами. В ней отражались сложности проведения боевых действий в Финляндии, а также описывалось проявление мужества советскими воинами. Однако материал излагался в большинстве своем неконкретно и носил чисто пропагандистский характер. Поэтому такого рода издания, где описывались успехи в тех или иных боях, требовали весьма критического подхода и необходимых уточнений. Объективно, эта литература имела преимущественно «воспитательное» предназначение¹.

Что же касается второго направления в подходе к изложению войны, то оно носило противоположный характер и созданные в его рамках труды можно в полной мере относить к военно-научным исследованиям.

Причем создание объективной картины прошедшей войны являлось определенной целью советского руководства. Сразу с ее окончанием, 11 июля 1940 г., нарком обороны С. К. Тимошенко отдал распоряжение о подготовке серьезного военно-исторического издания, посвященного «финской войне». Для этого была создана специальная комиссия. Военные историки должны были в весьма сжатые сроки — до весны 1942 г., то есть за полтора года, — подготовить фундаментальный труд, в котором требовалось детально проанализировать и изложить все события Советско-финляндской войны².

В октябре 1940 г. был уже составлен подробный проект такого издания. Он впечатлял своим охватом рассматриваемой проблемы. В нем должны были быть изучены как военное планирование до конца ноября 1939 г., так и собственно весь ход военных действий, причем по всем стратегическим направлениям и с охватом всех родов войск³. Предполагалось написать семь томов. Всего же это произведение должно было состоять из девяти книг⁴.

¹ См.: Бои в Финляндии. Воспоминания участников. Ч. 1–2. М., 1941; Бои на Карельском перешейке. М., 1941 и др. (основной перечень этих работ содержится в книге: Советско-финляндская война 1939–1940. Т. II. СПб., 2003. С. 382–509).

² Российский государственный архив Военно-Морского Флота (далее — РГА ВМФ). Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 227. Л. 3. Приказ НКО № 200 от 11 июля 1940 г.

³ Подробно см.: Советско-финляндская война 1939–1950. Т. II. С. 375–379.

⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-1529. Оп. 2. Д. 642. Л. 1–50. План труда «Советско-финляндская война 1939–1940 гг.», октябрь 1940.

Что касается реализации самой идеи столь обширного замысла, то по понятным причинам, связанным с началом Великой Отечественной войны, в полном объеме этот проект так и не удалось осуществить. Реально был опубликован лишь единственный 7-й том этого многотомного издания. Он посвящался изучению и анализу действий советских военно-морских сил и был подготовлен в намеченные сроки. В 1942 г. рукопись «Советско-финляндская война 1939—1940 гг. на море» была представлена. Ее оригинальный машинописный вариант сейчас хранится в Российском государственном архиве Военно-Морского Флота¹.

В целом рукопись явилась по-своему потрясающим произведением, аналогов которому в нашей стране после этого долгое время просто не было. Причем показательно, что не было и подобного по своему охвату изложения материала боевых действий в период «зимней войны» на море и в Финляндии². Однако вплоть до 2000-х гг. эта колоссальная работа не имела широкого распространения, поскольку в 1945—1946 гг. она была издана под грифом секретности и целиком относилась к работам, имеющим также гриф «для служебного пользования». Более того, она была выпущена ограниченным тиражом³. Лишь только в 2002 г. данный труд был вновь заслуженно переиздан и получил в результате широкое научное распространение⁴.

В чем была примечательность данного исследования? Прежде всего в нем сделана попытка без особых приукрашиваний, подробно дать анализ подготовки и боевой деятельности флота в период Советско-финляндской войны 1939—1940 гг. Из работы видно, что флот собственно к войне с Финляндией совершенно не готовился. Так, в частности, это акцентируется в указанном труде: «Основная линия боевой подготовки была направлена в сторону подготовки к войне с противником, имеющим крупный флот, к войне же с Финляндией конкретно не готовились». Далее же подчеркивается: «Этим объяс-

¹ Там же. Д. 48, 57, 59. Советско-финляндская война 1939—1940 гг. на море.

² Наиболее полное специальное издание, касающееся данных сюжетов (Suomen laivasto 1918—1968. Osa 1, Hels., 1968), является лишь частично похожим по характеру на данное издание.

³ Советско-финляндская война 1939—1940 гг. на море. Ч. 1. Кн. 1—3. М.; Л., 1945—1946.

⁴ Советско-финляндская война 1939—1940 гг. Боевые действия на море. СПб., 2002.

няется отсутствие разработанных и проверенных планов»¹. Современные исследования и материалы подтверждают данный вывод².

Более того, в рассматриваемом произведении в приложении приводится весь комплекс документов, касающихся планирования военных действий на море против Финляндии. Они сконцентрированы в конце соответствующих томов труда, и среди этих документов полностью воспроизведены все основные приказы и планы советского военно-морского командования в ноябре 1939 г.³ Из проводимого основного материала, а также из приложений становятся ясными основные задачи, ставившиеся ранее перед флотом. Конкретно отмечается, что Военному совету флота была отдана директива на подготовку операции лишь 3 ноября 1939 г., а уже 5 ноября ВС КБФ составил общий план боевых действий. Сам же план операции был утвержден ВС ЛВО 22 ноября, а 23 ноября ВС КБФ уже флоту поставил боевую задачу. Как отмечается в работе, «план боевых действий Краснознаменного Балтийского Флота на случай войны с Финляндией был составлен в период с 3 по 25 ноября»⁴, что наглядно демонстрирует, каким образом, собственно, шла подготовка к войне непосредственно с Финляндией.

В целом проделанная военно-морскими исследователями обобщающая работа до сих пор имеет весьма важное научное значение. Не умаляя роли проведенного исследования, стоит добавить, что до наших дней также дошли некоторые другие наработки советских военных историков и исследователей, реализовывавших задуманный НК обороны масштабный проект подготовки истории Советско-финляндской войны.

О проделанной работе, в частности, свидетельствуют материалы, касающиеся деятельности в годы войны советских медиков. Планировалось, в частности, «осветить практически все направления деятельности военно-санитарной службы в ходе прошедшей войны»⁵.

¹ РГА ВМФ. Ф. Р-1529. Оп. 1. Д. 48. Л. 119. Советско-финляндская война 1939–1940 на море.

² См.: Россия и Финляндия в XX веке. К 80-летию независимости Финляндской Республики. СПб.; Vaduz; Liechtenstein, 1997. С. 100–115.

³ Советско-финляндская война 1939–1940 гг. на море. Ч. 1. Кн. 3. С. 147–152.

⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-1529. Оп. 1. Д. 57. Л. 170. Советско-финляндская война 1939–1940 на море.

⁵ Журавлев Д. А. Советская медицина в 1939–1940 гг. // Петров П. В. Зимняя война 1939–1940 гг. Библиография 1939–2011. С. 376.

Но сейчас сохранился лишь определенный комплекс собранных по этой теме документов, который большей частью находится в архиве Военно-медицинского музея в Санкт-Петербурге¹.

Следы проделанной работы можно также обнаружить в третьем томе «Истории отечественной артиллерии» (кн. 8). Этот том был издан в 1964 г., и здесь есть целая обширная глава «Артиллерия в советско-финляндской войне (1939–1940 гг.)»². Представленный в ней материал по своему характеру и структуре явно указывает на то, что при его написании использовались наработки II тома так и неизданного труда о Советско-финляндской войне³.

Однако сделанный сразу же после окончания «финской войны» очень серьезный шаг в ее военно-исторической разработке оказался практически единственным, поскольку он не был подкреплен соответствующими исследованиями как военного, так и политического характера последующего периода. Более того, исследовательские работы, которые в конце 1940-х гг. стали появляться в форме диссертаций и которые касались сюжетов «финской войны», также являлись сугубо военно-историческими. Они тоже были «секретными», а их результаты представлялись лишь для «служебного пользования». Все это, естественно, не давало возможности широкого освещения в научном плане проблем «финской войны», а также их активного изучения. Аспект «секретности» к тому же сужал возможности доступа широких научных кругов к полученным в ходе исследования результатам.

Более того, обстановка складывавшихся после окончания Второй мировой войны дружественных советско-финляндских отношений и стремления СССР в этих условиях не «ворошить» весьма негативные страницы прошлого приводила к тому, что тогда вообще считалось «нецелесообразным» углубляться в тему «финской войны». В результате фактически начался новый историографический этап изучения «финской войны». Он объективно продолжался вплоть до конца 1980-х гг. В этот период также сохранилась прежняя тенденция, при которой в научных работах, касающихся отношений Финляндии и СССР в XX в., практически

¹ Там же. С. 377.

² История отечественной артиллерии. Т. III. Кн. 8. М.; Л., 1964. С. 536–667.

³ РГА ВМФ. Ф. Р-1529. Оп. 2. Д. 642. Л. 1–50. План труда «Советско-финляндская война 1939–1940 гг.», октябрь 1940. Л. 25.

не затрагивались политические вопросы, связанные с событиями «зимней войны». Что же касается военных сюжетов, то они освещались, но весьма скупо.

Отличительной особенностью этого этапа явилось то, что стали появляться отдельные мемуарные работы, в которых непосредственно затрагивалась военная сторона рассматриваемой проблемы. Прежде всего выделялись воспоминания таких известных советских военачальников, как К. А. Мерецков, Н. Н. Воронов и А. М. Василевский¹. Причем эти авторы явно стремились уйти от подробного рассмотрения вопросов, связанных с подготовкой к нападению СССР на Финляндию. Более того, в их мемуарах даже допускались утверждения, что война началась с того, что «финские отряды в ряде мест начали переходить границу, вклиниваясь на нашу территорию», при этом «части Красной армии приступили к отпору антисоветским действиям», в результате «советско-финляндская война стала фактом». Такое утверждение оставил в своей работе командующий Ленинградским округом того времени К. А. Мерецков² — человек, который сам лично занимался разработкой непосредственного плана начала боевых действий советских войск против Финляндии. Очевидным при этом являлось то, что подобные утверждения перекочевали в данные мемуарные работы из бытовавших в то время пропагандистских установок, сложившихся в Советском Союзе еще в период «финской войны».

Эта же тенденция наблюдалась и в научно-исследовательской литературе, где в обобщенном виде рассматривались либо события Второй мировой войны, либо затрагивались сюжеты советско-финляндских отношений в целом. Причем характерной особенностью становилась тенденция к планомерному сокращению разделов, относящихся к Советско-финляндской войне. Наиболее полно эта война освещалась в научной литературе в период хрущевской «оттепели». В частности, весьма подробно была освещена война в много-томном издании по истории Великой Отечественной войны, а также в фундаментальных исследованиях, касающихся истории войск Ленинградского военного округа или же истории отечественной

¹ *Мерецков К. А.* На службе народу. М., 1968; *он же.* Укрепление северо-западных границ СССР // Вопросы истории. 1968. № 9; *Воронов Н. Н.* На службе военной. М., 1963; *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 1975.

² *Мерецков К. А.* На службе народу. С. 182.

артиллерии¹. Авторы разделов, в которых рассматривались сюжеты, связанные с «финской войной», обычно пользовались документами военных архивов, и в этих материалах было отражено применение наработок, которые были созданы еще в послевоенный период, когда готовилось многотомное издание, целиком посвященное Советско-финляндской войне. Но теперь к введенному в научный оборот новому архивному материалу добавлялась классификация этой войны, которую все чаще стали определять как «военный конфликт».

Постепенно информации об этой войне появлялось все меньше. Во многом это было связано с общим стремлением в СССР не затрагивать аспекты истории, невыгодные для репутации Советского государства, а с другой стороны, наблюдалось фактически полное отсутствие доступа к неиспользованным ранее наиболее важным отечественным архивным документам. В результате сведения, которые появлялись в научных изданиях, носили лишь уточняющий характер. Причем сугубо в сфере частных общеполитических или военных вопросов и в весьма обобщенном виде. Нередко они также основывались скорее на западной научно-исследовательской литературе, хотя и сами эти заимствованные данные носили скорее выборочный характер². Изложение строилось четко на представлениях, которые создавались официальной пропагандой предшествующего периода, где явно прослеживалась мысль, что война началась в ответ на «провокационные действия» Финляндии. Причем финское правительство, как тогда утверждалось, само фактически объявило 30 ноября Советскому Союзу войну. В результате «войскам Ленинградского военного округа был отдан приказ дать решительный отпор финляндской военщине и отбросить противника от Ленинграда»³.

¹ Вооруженный конфликт с Финляндией и его мирное урегулирование // История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. I. М., 1963. С. 258–278; В суровых зимних боях // Ордена Ленина Ленинградский военный округ. Исторический очерк. Л., 1968. С. 145–168; Артиллерия в советско-финляндской войне (1939–1940 гг.) // История отечественной артиллерии. С. 536–667.

² Укрепление северо-западных границ. Военный конфликт с Финляндией // История Второй мировой войны. Т. 3. М., 1974. С. 358–365; *Бартеньев Т., Комиссаров Ю.* Тридцать лет добрососедства. М., 1976. С. 36–42; *Похлебкин В. В.* СССР — Финляндия. М., 1975. С. 286–300.

³ Советско-финляндская война 1939–1940 // Советская военная энциклопедия. Т. 7. М., 1979. С. 418–420.

И хотя в конце 1970-х гг. появилось первое критическое отношение к ряду выдвигавшихся ранее советских трактовок событий, особенно касавшихся определения этой войны как «конфликта»¹, тем не менее подход к рассмотрению Советско-финляндской войны сохранялся прежним и о ней стремились вообще не упоминать, тогда как на Западе и особенно, конечно, в Финляндии об этой войне писали много², и в отечественной истории проявлялось в этом отношении явное отставание. Неслучайно поэтому уже в начале 1980-х гг. на одном из научных симпозиумов историков СССР и Финляндии с советской стороны был решительно поставлен вопрос о необходимости серьезного изучения данной проблемы отечественными исследователями³. Однако тогда это был лишь призыв повернуться лицом к весьма важной теме. Но изменений фактически не происходило. И подобная ситуация сохранялась вплоть до конца 1980-х гг. Лишь только с этого времени объективно в отечественной историографии начался новый этап изучения «финской войны».

Безусловно, начало нового этапа было связано с осуществлением так называемых перестройки, гласности, формированием «нового мышления» и т. д. Открытие доступа к секретным советским документам позволило отечественным исследователям уже по-новому взглянуть на происходившие в 1939–1940 гг. события. И главным вопросом тогда стал, кто начал Советско-финляндскую войну и почему, собственно, эта война произошла. Первым, кто в то время обратил внимание на эти сюжеты, был московский историк, доктор исторических наук М. И. Семиряга. В своей статье «Незнаменитая война», опубликованной в 1989 г. в журнале «Огонек», он привлек интерес широкой научной общественности к проблемам, связанным с этой войной⁴. В этой статье он четко показал, что именно сталинское руководство несет ответственность за начало этой тяжелой и весьма трудной для страны войны. Однако при этом следует учитывать, что автор статьи не являлся специалистом в области советско-финляндских отношений, поэтому ряд его суждений, а также

¹ См.: *Барышников Н. И.* На защите Ленинграда. Обеспечение безопасности и оборона города с севера в годы Второй мировой войны. Л., 1978.

² См., например: *Talvisodan historia. Osa I–IV.* Porvoo; Hels.; Juva, 1977–1979.

³ См.: *Historiallinen Aikakauskirja.* 1982. № 1. S. 52–53.

⁴ *Семиряга М. И.* «Незнаменитая война» // *Огонек.* 1989. № 22. Затем более подробно «финская война» было освещена в работе: *Семиряга М. И.* Советско-финляндская война (к 50-летию окончания). М., 1990.

приводимых фактов оказались крайне легковесными. Естественно, что его выступление в популярном периодическом издании пока еще не могло полностью изменить сложившуюся в СССР традицию в освещении войны.

Тем не менее 1989 г. оказался переломным в отношении оценок отечественных исследователей начавшейся в 1939 г. войны. Дело в том, что тогда прошли сразу две советско-финляндские встречи историков, рассмотревших такую острую для обеих стран проблему. Первое обсуждение ее состоялось в Москве, а второе — в Тампере. Там касались всего нового и важного о «финской войне», что требовало определения четких позиций исследователей. И в этом смысле уже начали возникать и определенные перспективы. В СССР появились тогда первые работы монографического характера, в которых в той или иной степени затрагивались сюжеты, касающиеся участия Финляндии во Второй мировой войне, и четко было показано, что именно в Москве приняли решение разорвать все ранее подписанные с Финляндией соглашения и, перейдя границу, «разгромить и уничтожить финляндскую армию и флот»¹.

Но что особенно показательно, на читателя буквально обрушилось колоссальное количество статей, опубликованных в различных периодических изданиях, посвященных «финской войне»². Такого страна ранее не знала, может быть, со времен этой самой войны. Однако всплеск научного интереса к сюжетам «финской войны» создал по сути своей промежуточный, переходный этап, где только началось новое серьезное ее изучение, попытки пересмотра прежних устоявшихся концепций, а также вообще был поставлен вопрос о необходимости исследования этой «незнаменитой войны».

¹ Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во Второй мировой войне. Л., 1989. С. 77.

² См.: Барышников Н. И. Советско-финляндская война 1939–1940 гг. // Новая и новейшая история. 1989. № 4; Куйттинен К. Была ли «Зимняя война» неизбежной? // За рубежом. 1989. № 48; Лаке Л. Зимняя война // Политика. 1989. № 1; Медведев Р. А. Дипломатические и военные просчеты Сталина в 1939–1941 гг. // Новая и новейшая история. 1989. № 4; Носков А. Незнаменитая война // Красная звезда. 1989. 30 нояб.; Орлов А. Можно ли было избежать конфликта? // Родина. 1989. № 8; Петров В. Была такая война // Аргументы и факты. 1988. № 39; Семиряга М. И. На той войне незнаменитой // Выборгский коммунист. 1989. 29, 30 нояб.; Хяйкиё М. Миф об одиночестве // За рубежом. 1989. № 48; Чудаков А. Реквием карельских болот // Комсомольская правда. 1989. 12, 14 нояб.; Якобсон М. «Зимняя война»: взгляд из Финляндии // Родина. 1989. № 8; и др.

Это был непродолжительный период. Дело в том, что в СССР, а затем и в новой России уже начали издавать ранее секретные документы как общеполитического, так и военного характера, а также ранее неопубликованные воспоминания видных государственных деятелей СССР¹. Кроме того, впервые появилась возможность для отечественных исследователей работать с фондами ранее закрытых для историков из СССР архивов Финляндии. Это позволило выработать более взвешенные представления о событиях «зимней войны». В результате в самом начале 1990-х гг. в отечественной историографии объективно обозначился новый период в исследовании событий «финской войны». Этот этап характеризовался возросшим интересом у отечественных исследователей к детализации событий войны, а также возникло несколько направлений в ее изучении, стали прослеживаться различные научные или не совсем научные подходы к оценке происшедшего.

С начала 1990-х гг., наряду со сложившимися ранее взглядами на эту войну появились также диаметрально противоположные оценки, фактически заимствованные из чисто пропагандистских штампов и определений, сохранявшихся в финской историографии. Сами же эти «новые» книги не отличались высокой ценностью с научной точки зрения. Они по содержанию являлись преимущественно политизированно-публицистическими. В них было заметно стремление поддержать определенные представления, утвердив-

¹ Зимняя война (документы о советско-финляндских отношениях 1939–1940 годов) // *Международная жизнь*. 1989. № 8, 12; Правительство Куусинена: эпизод советско-финляндской войны 1939–1940 годов // *Вестник Министерства иностранных дел СССР*. 1989. № 22; *Коллонтай А.* «Семь выстрелов» зимой 1939 года // *Международная жизнь*. 1989. № 12; Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // *Вопросы истории*. 1990. № 7; Советско-финляндская война // *Военно-исторический журнал*. 1990. № 1; Вокруг пакта о ненападении (документы о советско-германских отношениях 1939 года) // *Международная жизнь*. 1989. № 9; Акт о приемке Наркомата Обороны Союза ССР тов. Тимошенко С. К. от тов. Ворошилова К. Е. // *Известия ЦК КПСС*. 1990. № 1; Год кризиса 1938–1939. Т. 1–2. М., 1990; Роковые годы, 1939–1940: События в Прибалтийских государствах и Финляндии на основе советских документов и материалов. Таллинн, 1990; Документы внешней политики СССР. Т. XXII. Кн. 1–2; Т. XXIII. Кн. 1. М., 1992, 1995; «Не представляли себе... всех трудностей, связанных с этой войной». Доклад наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова об итогах советско-финляндской войны 1939–1940 гг. // *Военно-исторический журнал*. 1993. № 4–6; Уроки войны с Финляндией. Неопубликованный доклад наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова на пленуме ЦК ВКП (б) 28 марта 1940 г. // *Новая и новейшая история*. 1993. № 4.

шиеся ранее в финской историографии. В результате по этой весьма слабо изученной до тех пор в СССР теме появились работы, в которых с претензией на сенсационность стали выдаваться нередко не до конца проверенные сведения, рассчитанные на то, чтобы ошеломить и ввести в заблуждение читателя¹. Тем не менее, конечно, возникла необходимость должного критического разбора подобного рода сочинений на основе аналитического подхода к документальным источникам и объективной оценки фактов.

При всем этом наблюдалось желание профессиональных российских исследователей критически подойти к ранее сделанным ими оценкам и внести поправки в прежние концепции как причин, так и характера Советско-финляндской войны. В какой-то мере происходившее в отечественной историографии получило отражение в 1995 г. на страницах журнала «Родина», 12-й номер которого был целиком посвящен «финской войне». В нем были опубликованы статьи российских и финских исследователей. Тогда же в Москве в редакции этого журнала состоялась оживленная дискуссия историков двух стран «за круглым столом».

Попыткой выработать совместную концепцию, в которой сочетались бы как отечественные представления о «зимней войне», так и финские взгляды, стало появление в конце 1990-х гг. на финском и русском языках совместной книги «Зимняя война 1939–1940. Политическая история»². Эту работу весьма высоко оценили как в России, так и в Финляндии³. Она стала фактически единственным и уникальным в своем роде произведением, где нашли отражения новые разработки российских историков.

В результате отечественная историография вышла на этап новых поисков и научного осмысления темы. При все при этом в современных условиях исследовательской работы явно начала наблюдаться

¹ *Степаков В.* Майнила, или История семи выстрелов // Россия. 1991. 2–8. окт.; *Раткин С.* Тайны Второй мировой войны. Минск, 1995; *Козлов А. И.* Советско-финляндская война 1939–1940 гг.: Взгляд с «той» стороны. Рига, 1997; *Степаков В. Н.* Легенды и мифы советско-финляндской войны // Вопросы истории. 1997. № 3; Советско-финляндская война 1939–1940 гг. Минск, 1999; *Соколов Б. В.* Тайны финской войны; и др.

² *Yksin suurvaltaa vastassa. Talvisodan poliittinen historia.* Jyväskylä, 1997; Зимняя война 1939–1940. Кн. 1: Политическая история. М., 1998.

³ *Севостьянов Г. Н.* Правда о Зимней войне // Новая и новейшая история. 1999. № 1; *Jutikkala E.* Yerivihollisuudesta yhteisymmärrykseen // Kanava. 1998. № 1.

своеобразная тенденция углубиться в рассмотрение лишь отдельных сторон Советско-финляндской войны. В частности, возник уже устойчивый интерес к изучению скорее военных, нежели политических аспектов «финской войны»¹. Очевидно, во многом это было связано с продолжающимся активным введением в научный оборот из советских фондохранилищ новых архивных документов. В частности, уже XXI в. были изданы фундаментальные сборники документов, которые очень хорошо представляют определенные этапы боевых действий советских войск, а также деятельность советской военной разведки и контрразведки².

В результате, опираясь на уже изданные или находящиеся в архивах военные документы, было опубликовано достаточно большое количество исследовательских работ, отражающих прежде всего проблемы, связанные с наступлением советских войск³ либо с деятельностью отдельных родов войск, принимавших участие в проводимых Красной армией операциях⁴.

¹ См.: *Петров П. В.* Зимняя война 1939–1940 гг. Библиография 1939–2011. С. 289–232.

² Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. По документам рассекреченных архивов. СПб., 2000; «Зимняя война»: работа над ошибками (апрель — май 1940 г.). Материалы комиссий Главного военного совета Красной Армии по обобщению опыта финской кампании. М., 2004; Военная разведка информирует. Документы Разведуправления Красной армии. Январь 1939 — июнь 1941 г. М., 2008; Зимняя война. 1939–1940 гг. в рассекреченных документах Центрального архива ФСБ России и архивов Финляндии. М., 2009; Зимняя война 1939–1940 гг. в документах НКВД. СПб., 2010; Приказываю решительно прекратить представление таких разведсводок... Разведывательные сводки 5-го Управления НКО СССР за период советско-финляндской войны. М., 2018.

³ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. II. М., 2012; Советско-финляндская война 1939–1940. Т. 1–2; *Иринчеев Б.* Штурм Линии Маннергейма. Оболганная победа Сталина. М., 2015; *он же.* Забытый фронт Сталина. М., 2008; *Раунио А., Килин Ю.* Сражения зимней войны. Петрозаводск, 2014; *Сейдин И. И.* Линия Маннергейма и Красная Армия. СПб., 2012; *Веригин С. Г.* Карелия в годы военных испытаний: Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. Петрозаводск, 2009; и др.

⁴ *Будко А. А.* Военная медицина СССР и Финляндии в советско-финляндской (зимней) войне 1939–1940 гг. СПб., 2005; *Булгаков Д. В.* Тыл Красной армии в советско-финляндской войне (1939–1940). М., 2008; *Петров П.* Балтийский флот. Финский гамбит. М., 2005; *он же.* «Зимняя война». Балтика 1939–1940. Хельсинки, 2008; *он же.* Краснознаменный Балтийский флот накануне Великой Отечественной войны: 1935 — весна 1941 гг. М., 2016 и др.

Тем не менее далеко не все стороны «финской войны» были равнозначно освещены. Более того, остаются не введенными в широкий научный оборот определенные документы, хранящиеся как в российских, так и зарубежных фондохранилищах. Их существование позволяет надеяться на возможность для исследователей еще глубже вникнуть в сложные процессы того времени, досконально выяснить причины «финской войны» и понять произошедшие затем перемены в осуществлении ее участниками внешнеполитической линии.

Например, показательно, что после окончания «финской войны» Ю. К. Паасикиви назвал ее войной министра иностранных дел того периода — Э. Эркко¹. Сейчас это кажется достаточно удивительным, поскольку в современных представлениях отечественной и зарубежной общественности глубоко утвердилось мнение, что на самом деле Советско-финляндская война является прежде всего «войной И. В. Сталина». Однако столь экстравагантное утверждение, выдвинутое весьма авторитетным и известным государственным деятелем Финляндии, который накануне этой войны сам лично вел со Сталиным переговоры в Москве, требует все же внимательного отношения научного сообщества к данному заявлению.

Несомненно, важной является задача более внимательно рассмотреть достаточно скрытную предысторию предвоенного советско-финского переговорного процесса. Именно он явился в конечном итоге фоном, на котором, собственно, происходило обострение отношений между двумя государствами, а затем вспыхнула и проходила сама война. Внимательное изучение хитросплетений мировой политики по «финляндскому вопросу», вне всякого сомнения, необходимо. Это нужно потому, что до сих пор требуется прояснить те или иные скрытые для исследователей мотивы, которые легли в основу принимаемых как в Москве, так и в Хельсинки решений.

Не менее любопытной является и реакция на советско-финляндские отношения ведущих государств Запада. Более того, очевидно, что позиции СССР и Финляндии по тому или иному вопросу явно сочетались с общеевропейской обстановкой, где «главные державы

¹ *Brotherus H.* Eljas Erkko, legenda jo eläessään. Porvoo; Hels., 1973. S. 131; *Kleemola P.* Helsingin Sanomat sananvapauden monopoli. Hels., 1981. S. 26; *Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. Porvoo, 1970. S. 203.

Европы», бесспорно, стремились учитывать общий характер развития контактов двух соседних государств и влиять на него.

Особенно рельефно данная тенденция стала проявлять себя непосредственно в канун начала Второй мировой войны, летом 1939 г. Тогда отношения с Финляндией активно обсуждались на англо-франко-советских переговорах в Москве, а затем учитывались в германо-советском договоре о ненападении, а точнее в секретном приложении к этому договору, подписанному 23 августа 1939 г. Все произошедшие тогда события оказались ключевыми с точки зрения принятия советским руководством соответствующих решений.

Что же касается Финляндии, то, судя по дипломатическим документам, ее правительство, естественно, зорко следило за изменяющейся обстановкой в Европе и стремилось выработать собственный подход в отношении возникшего тогда крайне запутанного клубка противоречий, который обозначился в 1939 г. в ходе переговоров ведущих европейских держав.

Но не менее важным в раскрытии событий, приведших к началу войны, является выяснение определенных нюансов в этапах советско-финляндской дипломатической борьбы, которая тоже, бесспорно, оказывала воздействие на принятие важных государственных решений. В этом плане для советско-финляндского переговорного процесса 1938–1939 гг. определяющими стали тайные встречи в Хельсинки с финским руководством сначала сотрудника НКВД Б. А. Рыбкина, а затем опытного советского дипломата Б. Е. Штейна. В дальнейшем именно от итогов этих негласных консультаций, встреч и переговоров представителей СССР и Финляндии зависела позиция советского руководства в отношении финской стороны. Очевидно, что на основе двухсторонних архивных источников, хранящихся в Хельсинки и Москве, есть возможность проанализировать то, как эти переговоры развивались и какие задачи в них непосредственно преследовали СССР и Финляндия.

При этом для более четкого выяснения специфики финской политической линии на официальных советско-финляндских переговорах, прошедших в Советском Союзе в канун «зимней войны» в октябре — ноябре 1939 г., стала переписка и записи телефонных разговоров между финским представительством в Москве и МИД, а также распоряжения, поступавшие финской делегации в качестве директивных указаний. Столь серьезный пласт документальных материалов сейчас тоже стал доступным для отечественных исследо-

вателей. Причем значительная часть этих крайне важных материалов ранее имела строго секретный характер. Однако весь комплекс указанных документов, хранящихся теперь в фондах архива Министерства иностранных дел Финляндии, до сих пор должным образом не введен в научный оборот. Хотя они представляют несомненный интерес и многое могут раскрыть с точки зрения уточнения политики Финляндии того времени.

Также до сих пор не до конца понятно, почему, взяв курс на силовое разрешение возникшего советско-финляндского конфликта, СССР вначале не смог добиться реализации стоящих перед Красной армией военных задач. Здесь возникает явное противоречие или даже загадка, поскольку для Советского Союза, решившего начать войну со страной, которая не являлась мощным в военном отношении государством, «финская война» стала достаточно кровопролитной и затянулась на три с половиной месяца. Почему так произошло?

Аргументированный ответ на этот вопрос могли дать в первую очередь не дипломатические, а военные документы. Безусловно, что они наиболее ясно и правдиво проливают свет на то, как стороны готовились к возможному вооруженному конфликту и какие здесь возникали реальные проблемы. В этом отношении уже секретная переписка советского руководства, а точнее Генштаба Красной армии, с командованием Ленинградского военного округа осенью 1939 г. является весьма важным, уникальным источником по изучению процесса непосредственной подготовки Советским Союзом войны с Финляндией. Основной пласт материалов, относящихся к данным документам, сейчас хранится в Российском государственном военном архиве. Он включает распоряжения, которые направлялись из Москвы в Ленинград, а также рапорты, поступающие в Генштаб от командования Ленинградским военным округом. Отдельным важным источником также являются записи телеграфных переговоров и шифрограммы, которые оперативно отражали состояние дел, связанных с оценкой военной подготовки в СССР к боевым действиям против Финляндии.

Тем не менее до сих пор многие события, которые предшествовали началу Второй мировой войны и непосредственно касавшиеся советско-финляндских отношений, а также «зимней войны», рассматриваются в публицистике или в ряде научно-исследовательских работ достаточно упрощенно. В частности, можно встретить утвер-

ждение, что советское руководство вообще не имело намерения достигнуть с Финляндией договоренности и «создавало лишь иллюзию» стремления к взаимоприемлемым решениям. Что в Москве осенью 1939 г. «просто» затягивали переговоры¹ с тем, чтобы «еще лучше» подготовиться к войне. Такие утверждения требуют соответствующего документального подтверждения. Однако большой комплекс документов, хранящихся в фондах как российских, так и зарубежных архивов, изучение которых может дать более или менее объективный ответ на этот вопрос, до сих пор полностью не введен в научный оборот.

Не все ясно также с событиями самой «финской войны». Здесь наибольшее внимание уделяется исследованию хода боевых действий. Однако не менее важна и внешнеполитическая обстановка, в которой происходили события на фронте. Используя сохранившуюся сейчас дипломатическую переписку, можно более четко представить, насколько Запад был готов оказывать Финляндии помощь или все же мог оставить ее одну в борьбе против всей военной мощи СССР². Наконец, почему эта война закончилась спустя 105 дней боевых действий и какими мотивами руководствовалось финское правительство, подписывая достаточно жесткий с точки зрения Финляндии мирный договор. В условиях, когда уже можно ознакомиться со стенограммами протоколов заседаний внешнеполитической комиссии правительства Финляндии за 1939–1940 гг., многое в этом смысле становится понятным. Из этого весьма интересного источника четко видна эволюция взглядов представителей финского руководства на протяжении всей войны. Копии протоколов, выполненных в машинописном варианте и охватывающих период с 5 декабря 1939 г. и до конца войны, сохранились, в частности, в Национальном архиве Финляндии (Kansallisarkisto) в документах секретаря премьер-министра страны А. Е. Тудеера³. Кроме того, в архиве Министерства иностранных дел Финляндии (Ulkoasiainministeriön arkisto) они также отложились в фонде документов министра иностранных дел периода войны В. Таннера и в мате-

¹ *Rautkallio N.* Kansakunnan syllisyys. Talvisotaan 1939–1940. Hels., 2002. S. 25, 67, 78.

² *Yksin suurvaltaa vastassa.* Talvisodan poliittinen historia.

³ Kansallisarkisto (далее — КА). А. Е. Тудеерин kokoelma. Pöytäkirjoja valtioneuvoston ja sen valiokuntien istunnoista 5.12.1939–21.3.1940.

риалах, связанных с судом над виновниками войны, состоявшимся в Хельсинки в 1945–1946 гг.¹

Благодаря этим весьма важным документам созданы условия для того, чтобы четко восстановить динамику рассмотрения вопроса о выходе Финляндии из войны в одном из высших руководящих органов страны. Эти документы позволяют разобраться в представлениях отдельных ведущих деятелей правительства Финляндии того времени и составить весьма четкую картину самого хода решения вопроса о завершении войны в финском руководстве.

В целом большой пласт архивных материалов, который еще до конца не введен в научный оборот, дает возможность несколько по-новому взглянуть на причины и на ход «финской войны» 1939–1940 гг. Это также предполагает продолжение соответствующей творческой работы, которая позволит еще ближе подойти к научному осмыслению определенных исторических событий, долгое время являвшихся скрытыми для исследования.

¹ Ulkoasiainministeriön arkisto (далее — УМ). 109. В 6. Tanerin kokoelma; 110. G 12.

Часть I

**ПОЛИТИКА СССР
В ОТНОШЕНИИ ФИНЛЯНДИИ
в 1937–1939 гг.
И СТРАНЫ ЗАПАДА**

ГЛАВА I

СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КАНУН ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

От официальных встреч к секретным переговорам

1939 год оказался крайне сложным в политическом отношении для Европы. В его начале все радужные надежды «демократических стран Запада», выстраивающих свою политику на возможности договориться с Германией, объективно рухнули. Уже в марте Мюнхенское соглашение о разделе Чехословакии, которое рассматривалось в Лондоне и Париже как гарантия будущего мирного урегулирования в Европе, оказалось нарушено. Германия полностью подчинила себе соседнюю страну, нарушив таким образом все те договоренности, которые рейх имел с Великобританией и Францией.

Иными словами, Мюнхенское соглашение просуществовало менее полугода. В этой связи известный английский политический и государственный деятель У. Черчилль записал в своих мемуарах, что «нет никакой заслуги в том, чтобы оттянуть войну на год, если через год война будет гораздо тяжелей и ее трудно будет выиграть»¹. И действительно, столь стремительное развитие событий требовало от всех, кто понимал грядущую неизбежность возникновения мировой войны, самых решительных действий. Иллюзиям возможности договориться с Гитлером теперь пришел конец. День начала Второй мировой войны стремительно приближался, и объективно этот процесс было уже не остановить².

Безусловно, изменения, которые произошли в Европе, не могли не затронуть и советско-финляндские отношения. Дыхание приближаю-

¹ Churchill W. S. The Second World War. Vol. I. London, 1948. P. 251.

² См.: Антигитлеровская коалиция — 1939. Формула провала. М., 2019.

шейся мировой войны, конечно, доходило и до Севера и, естественно, вызывало явное беспокойство. Тогда в Москве уже существовало устойчивое мнение, что Финляндия после развязывания мировой войны и начала боевых действий немецких войск против СССР может стать возможным союзником Германии¹. Причем, по оценке советской военной разведки, Балтийский регион представлялся в данном случае «наиболее вероятным плацдармом для нападения германского фашизма на Советский Союз»².

На самом деле до 1939 г. еще трудно было предположить, что вермахт сможет выйти широким фронтом ко всем западным границам СССР. Зона Балтийского моря, напротив, казалась тогда наиболее возможной для оперативного развертывания немецких войск. В Генеральном штабе Красной армии предполагали, что Германия сможет в самом начале войны перебросить против СССР в Финляндию до двух своих дивизий, которые непосредственно должны будут атаковать советские позиции³.

В результате при разработке командованием Красной армии перспективного оперативного плана уже к 1937 г. выдвигались конкретные задачи, предусматривавшие нанесение поражения финской армии в случае войны на ряде направлений. Речь шла о возможности наступательных действий на Карельском перешейке, в Карелии и Заполярье. Причем имелась в виду возможность переноса боевых действий собственно на территорию Финляндии⁴. Но в любом случае

¹ Действительно, у финского военного руководства уже с 1927 г. существовал оперативный план (WK-27), основанный на возможности ведения наступательных действий против советских войск на Карельском перешейке и в южной Карелии. Этот план был основан на предположении, что Красная армия не сможет быстро сконцентрироваться для отражения готовящегося удара с Запада финских войск (См.: Talvisodan historia. Osa I. S. 81).

² РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 352. Л. 15, 16–17. Записка о составе, численности, мобилизации и развертывании морских сил вероятных противников на Балтийском театре, 31.5.1937.

³ Там же.

⁴ Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 37977. Оп. 1. Д. 722. Л. 405. Доклад о действиях Красной армии против белофиннов.

Развертывание для ведения боевых действий главных сил Красной армии, по оперативным планам за период с 1932 по 1937 г., на северо-западе против основных противников (финляндский театр военных действий считался второстепенным) предполагало:

• *План 1932 г.* (мобрасп. № 11 [мобилизационное распределение. — В. Б.]); задача — обеспечить прочное удержание района Ленинград. Всего назначить на

учитывалось, что война, в которой будет предположительно участвовать Финляндия в качестве союзника Германии, станет весьма сложным испытанием для советских вооруженных сил¹. Однако основной зоной боевых действий на северо-западе считалось в СССР южное побережье Финского залива, где Германия предположительно могла бы сосредоточить втрое больше войск, чем в Финляндии².

Весной 1938 г. начальник Генерального штаба Красной армии уже подготовил соответствующие предложения. Они касались плана стратегического развертывания советских войск в случае начала войны на западном направлении. Эти предложения в ноябре были утверждены. По принятому тогда плану главным и основным противником СССР однозначно рассматривалась Германия. Причем в отношении финских войск, а также войск Прибалтийских государств указывалось,

Северо-Западный фронт 20 стрелковых дивизий (на Карельский перешеек — 3, в Карелию — 1 и 1 стрелковая бригада), на эстонско-латвийский участок — 16 стрелковых дивизий.

- *План 1933 г.* (мобрасп. № 15); задача — оборонять Ленинградский промышленный район и территорию АК ССР [Автономной Карельской ССР. — В. Б.], прикрывая северные границы СССР. Всего назначить на Северо-Западный фронт 21 стрелковую дивизию (Карельский перешеек — 4, Карелия — 2 стрелковые бригады, на эстонско-латвийский участок — 17 стрелковых дивизий).

- *План 1934 г.* (уточнить мобрасп. № 15); те же задачи и силы.

- *План 1935 г.* (мобрасп. № 6); задача — прочно удерживать Карельский укрепленный район, территорию АК ССР и Мурманского края. Из 10 стрелковых дивизий выделить: на Карельском перешейке — 5; в Карелии — 1 стрелковая дивизия и 1 стрелковая бригада; на эстонско-латвийском участке — 4 стрелковые дивизии.

- *План 1936 г.*: ставится активная задача по разгрому противника на Карельском перешейке и по овладению укрепрайоном. Всего на Северо-Западный фронт назначить 15 стрелковых дивизий. Для выполнения военных задач против Финляндии на Карельском перешейке — 5 стрелковых дивизий и 2 танковые бригады, в Карелию — 2 стрелковые дивизии. На эстонско-латвийский участок — 8 стрелковых дивизий.

- *План 1937 г.*: ставится активная задача на Карельском перешейке по решительному поражению финской армии в Мурманском районе и АК ССР. Ставятся задачи по овладению районами Печенга, Каяни, Нурмес, Сердоболь. Из 16 стрелковых дивизий: на Карельском перешейке — 8 стрелковых дивизий, 2 танковые бригады, 3 артиллерийских полка РКК; в Карелии — 2 стрелковые дивизии и 1 горнострелковая дивизия, на эстонско-латвийский участок — 5 стрелковых дивизий.

¹ РГВА. Ф. 37977. Оп. 4. Д. 74. Л. 1. Донесение начальника Генерального штаба А. И. Егорова НКО К. Е. Ворошилову. 15.5.1936; РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 354. Л. 1. План операции КБФ. 20.4.1937.

² РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 352. Л. 16. Записка о составе... 31.5.1937.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аалто, см. *Егоров Ф. И.*
Авеноль Ж. — 297, 310, 322
Агнидес Т. — 310
Айро А. — 183
Алябушев Ф. Ф. — 268
Андреев А. М. — 239
Анттила А. М. — 227–229, 292, 304, 305
Аримо Р. — 248
Асмус Э. А. — 35–41, 52
- Батлер Р. О. — 216
Бережков В. М. — 230
Берия Л. П. — 62, 147, 171, 173, 182, 235, 240–242, 250, 284, 323, 326, 344
Берри М. — 416
Блюм Л. — 217
Блюхер В. фон — 37, 75, 77, 82, 89, 105, 111, 112, 117, 125, 130, 138, 139, 142, 150–152, 384
Болен Ч. — 300, 322
Бонне Ж. — 118
Бржезовский Г. — 52
Брюммерт Р. — 365
- Вайцзеккер Э. — 258
Валлениус К. М. — 272
Вальден Р. — 338, 374, 398, 412
Варанга — 171
Василевский А. М. — 17, 398
Вашугин Н. Н. — 204, 227–229
Вейган М. — 353
Виара де К. — 311
Виноградов А. И. — 206, 275
Винтер О. В. — 116, 189, 297
Вирмавирга Я. — 181
Виттинг Р. — 412
Вихавайнен Т. — 128, 369
Возгина-Васара В.-Т. — 87
- Войонмаа В. — 62, 65, 89, 398
Воронов Н. Н. — 17, 211
Ворошилов К. Е. — 42, 45, 53, 65, 122, 147, 155, 171, 173, 185, 207–209, 215, 223, 224, 227, 229, 236, 240, 250, 263, 264, 267–270, 276, 295, 340, 344, 381
Воскресенская З. И. — 52
Вуокко А. — 274
Вуолийоки Х. — 59, 309, 342–345, 347
Вуоренмаа А. — 123, 137, 261, 273
Вуоримаа А. — 47, 98, 116, 130, 131, 149, 150, 216, 308, 408
Вяхя Т. — 229
- Галифакс Э. — 105, 115, 118, 141, 178, 217, 307, 350, 355, 356, 390
Гальдер Ф. — 111–113
Гамелен М. Г. — 332, 348, 352, 353, 355
Ганеваль Ж. — 332, 339
Геббельс Й. — 236
Геринг Г. — 45, 172, 299, 308, 309, 385, 394–396
Геуст К.-Ф. — 321
Гитлер А. — 31, 46, 47, 98, 113, 124, 127–129, 149, 151, 308, 327, 384, 408
Гоглидзе С. А. — 290, 291
Гореленко Ф. Д. — 267, 391
Грауер А. Н. — 343, 344
Грендаль В. Д. — 263, 265, 270, 282
Грипенберг Г. А. — 96, 103–105, 115, 142, 148, 178, 327, 328, 351, 353, 355, 379, 388, 389
Гюллинг Э. — 223
Гюнтер К. Э. — 333, 345, 346, 383
- Даладьё Э. — 329–331, 333, 339, 348, 350–354, 379, 387, 389, 399
Дарлан Ф. — 348, 349, 355

- Дембски С. — 299
 Деревянский В. К. — 52, 65, 68–71, 74, 85, 113, 119, 120, 130, 133, 134, 136, 146, 158, 222, 232
 Дреев С. Ф. — 239
 Духанов В. П. — 272, 276
- Егоров А. И. — 33, 42
 Егоров Ф. И. (псевд. Аалто) — 227
 Елисеев Е. Т., см. *Синицын Е. Т.*
- Жданов А. А. — 106, 210, 223, 226, 227, 237, 238, 271, 291, 293, 295, 305, 306, 398
 Жуков Г. К. — 128
- Иванов П. И. — 37, 52
 Иванов, комбриг — 205
 Идман К. Г. — 120, 130
 Икес Г. — 179
 Инкиля А. — 59, 60, 173
 Иринчиев Б. К. — 281–283
 Ирье-Коскинен А. С. — 63, 66–70, 72, 74–78, 100, 108, 110, 116, 124, 130, 133, 134, 136, 142, 143, 145, 146, 153, 166, 218, 234, 249–252, 254
 Исотало С. — 245, 246
 Иссерсон Г. С. — 271
- Каллио К. — 84, 88, 100, 170, 252, 256, 315, 359, 363, 397, 412
 Кан А. С. — 370
 Канарис В. — 110, 111, 139
 Каяндер А. — 55, 59, 60, 76, 84, 88, 125, 155, 168, 183, 194, 197, 220, 232, 253, 256, 257, 260, 412
 Кекконен У. К. — 256, 417, 418
 Керенский А. Ф. — 319
 Кивимяки Т. — 35–40, 129, 150, 170, 309, 389, 394–396
 Килкки П. — 280
 Кин, см. *Рыбкин Б. Н.*
 Кирке У. — 103
 Кирпонос М. П. — 269
 Клейст П. — 127
 Ковалев М. П. — 377
 Козырев С. П. — 225, 249
 Коллонтай А. М. — 66, 71, 76, 81, 82, 92, 113, 118, 120, 149, 155, 184, 185, 187, 198, 294, 318, 323, 342–347
 Корхонен К. — 36, 37, 82, 100, 106, 126, 129
- Коскимиес Э. Р. — 392
 Коциныш Ф. — 334
 Крайнов П. И. — 210
 Кузнецов Н. Г. — 157, 185, 264, 381
 Кулик Г. И. — 211
 Куусинен О. В. — 122, 123, 223, 224, 226, 230, 241–243, 291–295, 297–307, 319, 324, 343, 410
 Кякёнен У. А. — 279
- Лаатикайнен Т. — 375
 Лайдонер Й. — 300, 301, 309
 Лахтинен И. (псевд. Штрам М.) — 229
 Леги У. Д. — 416
 Лехен Т. — 229, 303
 Лехтинен И. — 292
 Лехтосари Ю. — 223
 Линг К. — 332, 338, 339, 351, 352, 355, 379
 Линкомиес Э. — 174, 183
 Литвинов М. М. — 41–43, 66, 67, 72–74, 76–81, 83, 90–94, 162
 Ллойд Джордж Д. — 326
- Магню К. — 137
 Майский И. М. — 90, 92, 101, 141, 216, 252, 258, 307, 313, 315, 325, 326, 381
 Маленков Г. М. — 241
 Малмберг Л. — 45
 Маннер К. — 223
 Маннергейм К. Г. — 45, 59, 84, 85, 109, 111, 136, 138, 143, 144, 168, 174, 181, 182, 234, 248, 253, 255, 256, 259, 261, 280, 291, 317, 319, 321, 332, 337–339, 348, 349, 351, 352, 354, 355, 361–365, 374, 375, 379, 380, 389, 390, 393, 397, 400, 412, 414, 418, 419
 Маннинен О. — 237, 238, 404, 405
 Мартола А. Е. — 45, 377
 Меландер Л. — 139
 Мельников — 135
 Менгер М. — 44, 46, 48, 49, 97
 Мерещков К. А. — 17, 121–123, 135, 203, 204, 210, 214, 243, 249, 250, 264, 266–269, 271
 Мехлис Л. З. — 211, 224, 255, 291
 Микоян А. И. — 63, 64, 68, 90
 Молотов В. М. — 42, 53, 88, 91, 92, 94, 96, 97, 100, 101, 105, 106, 108, 109, 113–115, 117, 118, 120, 123, 124, 126–128, 133, 136, 139, 142, 143, 145–147, 155, 158, 166, 171, 173, 177, 178, 180, 184, 185, 187–189, 191, 192, 195, 196, 198, 199, 216, 218, 219, 222–225,

- 227, 240, 241, 243, 249, 250, 251, 253, 295, 297, 298, 300, 302, 307, 313, 316, 318, 324–326, 334, 340, 343, 348, 381, 382, 398
 Мякеля Ю. Л. — 279
 Мякинен Х. — 223
- Наджиар П. — 294
 Невакиви Ю. — 350, 369
 Никишев Д. Н. — 377
 Ниукканен Ю. — 76, 144, 168, 182, 183, 361, 362, 396, 397
 Ньюкопп Ю. — 153, 158
 Ньюолл С. — 336
- Окуневич С. Л. — 242
- Паасикиви Ю. К. — 8, 10, 24, 144, 146, 152–154, 161, 164–168, 175–178, 181–183, 191–194, 198, 199, 259, 300, 320, 396, 397, 398, 418
 Паасонен А. — 153, 158, 164, 175, 329–333, 349, 350, 351
 Пакаслаhti А. — 63, 169, 170, 175, 188, 257, 318, 319, 388, 407
 Пастерович — см. *Пастревич*
 Пастревич А. И. — 268, 269
 Пауль Х., см. *Эйкия А.*
 Пеккала М. — 394
 Пелтонен М. — 369
 Петен А. Ф. — 351
 Петр Великий — 402
 Петров П. В. — 12
 Пихкала Э. — 370
 Пиэтола Э. — 415
 Плотников В. А. — 199
 Полвинен Т. — 106, 148, 416
 Понтиков Б. — 197
 Потемкин В. П. — 69, 134, 156, 158, 251–253, 294
 Прокконен П., см. *Прокофьев*
 Прокопé Х. — 105, 148, 155, 179, 184, 316
 Прокофьев П. (псевд. Прокконен) — 292, 306
 Проскуров И. И. — 213–215, 278
 Прохоров Ф. А. — 269
 Пядышев К. П. — 391
- Раппе А. — 217
 Рентола К. — 296, 301
 Риббентроп И. фон — 98, 129, 139, 151, 309
- Рикерт А. — 149
 Рузвельт Ф. Д. — 148, 155, 178, 179, 217, 258, 324
 Рыбкин Б. А. (Рывкин Б. А., псевд. Ярцев Б. Н., Кин) — 25, 50–62, 67, 68, 70–73, 76, 157, 343, 406, 407
- Салын С. — 85
 Сандлер Р. — 81, 82, 149, 170
 Свинхувуд П. Э. — 45, 129, 150
 Селен К. — 169
 Семиряга М. И. — 19
 Сеппинен И. — 357, 363, 366, 367
 Сидс У. — 94, 95, 108, 115, 116, 141, 166, 337
 Сииласвуо Х. — 274
 Синицын Е. Т. (псевд. Елисеев) — 221, 357, 363
 Сихво А. — 59
 Сноу Т. М. — 95, 109, 117, 138, 147
 Соболев А. А. — 225
 Соколов Б. В. — 242
 Соланко А. — 235
 Сталин И. В. — 24, 47, 50, 52–54, 58, 59, 69, 73, 77, 83, 90, 92, 99, 122, 123, 127, 128, 142, 147, 156, 158, 161–167, 171, 173, 176, 182, 185, 191, 192, 195, 198, 203, 214, 215, 219, 222–227, 231, 240–243, 250, 255, 258, 262, 264, 265, 268, 269, 279, 295, 298, 300, 301, 303, 309, 318, 326, 340, 381, 398, 402, 407
 Стеньшинский В. Ф. — 268
 Стомоняков Б. С. — 37
 Судоплатов П. А. — 51–53
 Суоми Ю. — 37
 Суриц Я. З. — 141, 307, 315, 324, 325
- Талвела П. — 183, 277, 292
 Таленский Н. А. — 261
 Таннер В. — 27, 50, 51, 57, 60, 61, 67–70, 76, 84, 128, 151, 152, 175, 179, 182, 184, 188, 193–195, 198, 199, 259, 308, 310, 318, 319, 328, 332, 333, 337, 339, 340, 342–347, 349, 351, 352, 355, 374, 375, 379, 383, 385–390, 393, 395–397, 399, 412
 Тимошенко С. К. — 13, 341
 Тихомиров П. Г. — 200, 205, 209, 243
 Тойвола У. — 63, 232, 407
 Тойкка Э. В. — 228, 229
 Томмола Т. В. — 229
 Троцкий Л. Д. — 320
 Тудеер А. Е. — 27

- Туоминен А. — 230
Туртола М. — 323
- Уйттио А. — 214
Уманский К. А. — 316, 324
Унден Э. — 312
Уоллес С. — 105
- Фляйшхауэр И.
Фриновский М. П. — 53
Фрич К. О. — 8, 163, 174
Фролов В. А. — 271
- Хабаров И. Н. — 210, 277
Хакцель А. — 36–38, 74, 129, 321
Халсти В. Х. — 376
Ханелль Э. Ф. — 392
Ханнула У. — 76, 97, 98
Ханссон П. А. — 170, 171, 179, 294, 337, 374
Хейдин С. — 149
Хейндрикс Г. — 156
Хейнрикс Э. — 376, 393
Холма Х. — 96, 329–333, 339, 340, 349, 351, 352, 355, 379, 387–389, 399
Холсти Р. — 41–43, 46, 49, 55–58, 61, 62, 65, 66, 85, 89, 139, 310–313, 329, 339, 406
Хрушев Н. С. — 223, 240–242
- Чемберлен Н. — 94, 96, 351, 354, 399
Черчилль У. — 31, 93, 140, 216, 327, 399
Чибисов Н. Е. — 206
Чуйков В. И. — 276
- Шабалов С. И. — 210
Шапошников Б. М. — 122, 135, 205, 206, 263, 264, 268, 269, 271, 276, 398
Шварц Э. — 180
Шёлъд Л. Э. — 125, 337
Штейн Б. Е. — 25, 66, 72–79, 81–84, 89–92, 157
Штерн Г. М. — 277
Штрам М., см. *Лахтинен И.*
Шуленбург Ф. В. — 116, 120, 126, 130, 133, 172, 177, 196, 218, 297, 298
- Эйкия А. (псевд. Пауль Х.) — 229, 292
Эквист Х. — 112, 261, 268
Энкель О. — 351
Эркко Э. — 24, 65, 70–72, 74–90, 92, 95, 99–101, 103–105, 109, 111, 117, 119, 125, 129, 133, 136, 137, 139, 142, 144–151, 153, 155, 165, 168–173, 175, 177, 179–183, 187–190, 194, 196–200, 218, 219, 257, 259, 316, 341–347, 380–382, 412
Эрфурт В. — 111
Эстерман Х. — 46, 47, 112, 182, 260, 261, 376
Эш К. Л. — 188, 253, 338
- Юданов М. Г. — 180, 215, 216
Юлкунен М. — 44, 171, 181, 408
Юссила О. — 236
- Якобсон М. — 39, 50, 82, 89, 103, 126, 197, 298, 299
Яковлев В. Ф. — 260
Ярцев Б. Н., см. *Рыбкин Б. Н.*

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие от издателей	3
Предисловие.....	7
Часть I. ПОЛИТИКА СССР В ОТНОШЕНИИ ФИНЛЯНДИИ в 1937–1939 гг. И СТРАНЫ ЗАПАДА	29
Глава I. СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КАНУН ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	31
От официальных встреч к секретным переговорам.....	31
Тайная миссия Б. Е. Штейна.....	66
В тени европейских интриг	91
Глава II. В ОБСТАНОВКЕ НАЧАЛА МИРОВОЙ ВОЙНЫ	132
Предчувствие надвигающейся катастрофы	132
Первый этап советско-финляндских переговоров.....	158
Срыв переговоров	177
Часть II. ВОЙНА	201
Глава I. НОЯБРЬ 1939 г.	203
Советский Союз накануне войны	203
Майнилавский инцидент	231
Глава II. «ЗИМНЯЯ ВОЙНА»	255
Начало «финской войны» — первые результаты	255
На политической арене	288
Лига Наций и Советско-финляндская война.....	307
Глава III. НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ ВСТУПЛЕНИЕ ВО ВТОРУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ	336
На фоне мировой войны.....	336
Реальная помощь, которую получила Финляндия.....	356
Финляндия, Советский Союз и Запад в финальной стадии 105-дневной войны.....	373
Заключение	403
Именной указатель	420
Библиография	424